

ЦЕНА 40 КОП.

Ж Р О Ж О Д И Л

К556

№ 9 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА" МОСКВА МАРТ 1935

14

БЕРЛИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

— Мы требуем, чтобы нам разрешили построить вот эти, построенные нами, бомбовозы...

Рис. Л. Бродаты

КРОВНОЕ РОДСТВО

Сапа Бутенко, молодой инженер-электрик, больше всего завидовал тем стойким физкультурникам, которые в выходной день мчатся на лыжах или режут лед сверкающими коньками.

Сам он предпочитал, раскрыв том Чехова, пролежать этот день в кровати.

Его упрекали.

«Во мне говорит проклятое наследие прошлого», — мрачно объяснял Сапа.

После напряженной трудовой пятидневки так проводил он и утро 15 апреля 1935 года, как вдруг в его дверь робко постучались, и в комнату вошла фигурка в странном пальто с широкими, как на одежде кинематографического каторжника, полосами.

Фигурка держала подмышкой аккуратно увязанный узелок, а в руке — корзиночку с крупным зеленым замком.

Это был мальчик в том своеобразном возрасте, когда его уже называют «молодой человек»...

— Здравствуй, Сапа, — сказал он и поставил корзиночку.

Сапа взглянул на полнощекое, тщательно промытое и стойкое лицо, на борщевые, полные готовности глаза и ужаснулся.

— Это, ты... Буся? — сказал он глухо. — Ну, как... папа?..

— Папа? Все так же. Понемножку... Вот тебе домашние гостинцы, велели передать, — и Буся развязал узелок.

— Вот эти пирожки с рисом, — солидно объяснял он, — а вот эти...

— С урюком!.. — вскричал Сапа, безошибочно угадывая все то, что должно исходить от туда...

— Сама тети...

— Клаша пекла!.. — радостно подхватил он слова Буси.

— Не Клаша, а Глаша, — строго поправил мальчик, — ведь она у нас тут...

— Ведь она у нас мушкетерка, — восторженно подхватил Сапа.

Мальчик с добросовестным удивлением взглянул на брата.

— А дома думали, что нас совсем...

— Забыл! — захлебываясь, подсказал Сапа...

Забыл! Он их забыл!.. Это верно, что он сделал все, чтобы как можно крепче забыть их, когда четырнадцать лет тому назад убежал на польский фронт. Но вот что ужасно, — стоило через эти четырнадцать лет мальчишке в полосатом пальто войти в его комнату, как он вспомнил, вспомнил до последних мелочей весь обиход, всю жизнь своего «родного гнездышка»...

Все, начиная с картины «Запорожцы» над круглым обеденным столом и кончая этим четырехжды перешитым каторжным пальто (детей нечего наряжать!..).

— Важен не костюм, а трудолюбие, — говорил отец.

Сам-то он не слишком утруждал себя!

Со службы в городской управе он приходил в четыре и тотчас же, как было принято у них шутить, «задавал хрешовинского», ватем с удовольствием и соболезнованием выступившая сплетня и истории женской половины дома или озабоченно следил, как поднимается тесто.

Похоронив первую жену, мать Сапы, Федор Петрович тотчас же женился на ее молоденькой племяннице, которая впоследствии и стала матерью Буси... Несмотря на это, Сапе неоднократно приходилось встречать отца выходящим ночью в носках из комнаты тети Глаши.

Впрочем, и сам Федор Петрович, вероятно от огромного самолюбия, оказался попросту... пьяншой!

— А Исидор Борисович к вам все ходит? — спросил Сапа брата и усмехнулся.

— Исидор Борисович! Как же! Ходит. Культурный, европейски образованный человек, — готовно откликнулся Буся, и Сапа покорно узнавал все те прилагательные, которые применялись к натловому бронету, вероятно, за то, что он первым завез в их городишко «Лилловый нетр вам подает манго» и золотую браслетку на волосатой руке.

Да, но все они, каждый по мере своих сил и возможностей, приспособившись, оставались на своих местах, за тысячу верст от него, и вот эта их маленькая, толстенная обезьянка приехала и, как видно, не собирается уходить.

— И, Александр, — говорил солидно молодой человек, — думаю тоже по электротехнике... У меня в аттестации все на «отлично». Есть все шансы, что в вуз выдержу. Тогда меня обеспечат и местом в общежитии. А пока я проживу у тебя. Папа очень просил.

— Поживи, — неискренне сказал брат.

Чорт знает, какие «пережитки в сознании» помешали ему сказать, что этот маленький мешанин совершенно не нужен ему!

Но Сапа был рационалист. В конце концов, подумал он, помимо личного недовольства, этот факт следует рассматривать и с общественной точки зрения. К нему пришел молодой человек и заявил желание продолжать образование по линии очень нужной нам квалификации.

Должен ли он, А. Ф. Бутенко, именующий себя передовым человеком, отказывать ему во временном пристанище?

— Чайник горячий, а бублики под салфеткой, — сказал он Бусе, — только больше ты со мной не разговаривай. У меня завтра доклад, и надо готовиться.

И Сапа снова развернул на 126-й странице Чехова.

Впрочем, с этой стороны мальчик оказался удобным. Он вставал в 8 и уходил готовиться к экзаменам в читальню; приходил же в десять и, очевидно, усталый, быстро засыпал.

Потом Буся, как видно, совсем углубился в зубрежку: даже полные щеки его поблекли.

Но однажды он вернулся раньше обычного, и глаза его сияли:

— Сегодня сдал последний экзамен и зачислен в действительные студенты...

Сапа поздравил, хотя слова «действительные» и «студенты» презири его.

— А сейчас что делать будешь? — спросил он.

— Теперь до начала занятий думаю поближе познакомиться с художественной литературой, — неспешно раздеваясь и укладываясь на опивенный ему диванчик, ответил Буся.

— Вот мне рекомендовали, — и из-под подушки он вынул книгу, — «Независть» И. Шухова.

Старший брат напряженно наблюдал за ним.

— Слушай, Буся, а ты... ненавидел кого-нибудь? — спросил он внезапно.

Буся отложил книгу и с добросовестным изумлением поглядел на брата.

— Н... не знаю... — наконец, выговорил он, — а... а ты? — несмело спросил он, и даже лоб у него покраснел.

— Я?... — задумчиво переспросил Сапа. — Я?... Да! Я ненавидел! И чертовски ненавидел! — добавил он с внезапной решимостью. — И человека этого ты прекрасно знаешь!..

— Зна... знаю? — пролетел Буся.

— Какое это было плоское, самодовольное животное!.. Да нет! Насекомое!.. Юркий тараканишко с усиками и с браслетиком на лапчонке!.. Пошлак!.. И чем он только смог так понравиться ей?!

— Впрочем, такие субъекты всегда чаруют провинциальных дам, — продолжал он. — Как же! Видел «просто в жизни» Веру Холдуню! Носки цвета «танго»!..

А какая светлая, ювечья тупость!.. Какая безвкусица! Он требовал, чтобы каждая «принадлежавшая» ему дама называла его «Исидор»; каприничал, как дитя, а за глаза определял просто и отчетливо: «Я ее имел».

И при всем этом какая трусость!..

Никогда не забуду, какая у него была мордочка, когда он на крестинах поздравил папашу с тобой, то-есть с новорожденным...

Как ненавидел он меня за то, что я был включен в эту приятельскую игру, тем более, что впоследствии, очевидно, уже махнув на меня рукой (дети ничего не понимают!), твоя мамаша со мной передавала ему записки. До сих пор у меня каким-то чудом уцелела одна из них...

«У Зою, — это тебя так вначале звали для аристократизма, — совсем твои глазеночки... и ушечки». Или какая-то труха в этом роде!..

Помолчали.

— Значит, мне... итти? — негромко спросил Буся и даже спустил босые ноги с дивана.

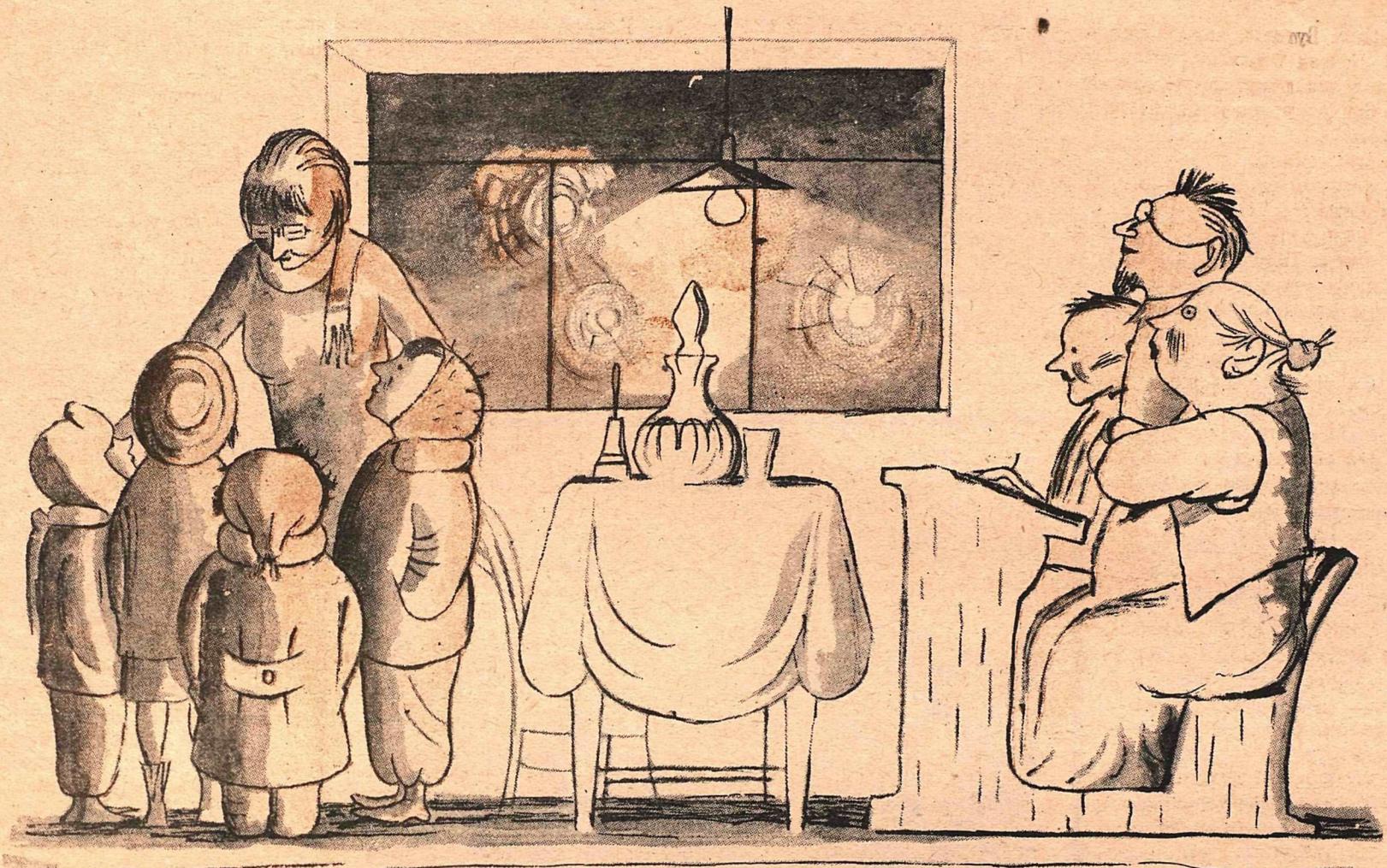
Сапа, точно просыпаясь, вздрогнул.

— Итти? Зачем же... итти? — спросил он, плохо соображая.

И только затем он вспомнил незбываемые законы этих людей.

Установив, что родства между ними никакого не существует, Буся пришел к естественному выводу, что посторонний человек абсолютно не обязан предоставлять ему диван, свет, отопление и прочие удобства.

Рис. Л. Сойфертиса

— Вы, детки, побегайте на улице, а мы пока тут побеседуем насчет вашего воспитания...

Но Саша взглянул на пухлые его босые мальчишеские ноги, и на мигновение ему стало невыносимо жаль этого румяного, маленького, слабоумного старичка.

— Это же имеет абсолютно никакого значения! Absolutent... Я даже... рад! И даже... привык! — потерянно пробормотал он, — тем более нужная квалификация... Так сказать, наша смена...

Дальше пошли такие деревянные слова, что Саша замолчал. Так они молча лежали, разделенные пространством не свыше метра: Буся на диване, Саша на кровати, и Сашу терзало раскаленье...

— Слушай, Буся... а ты... ненавидел кого-нибудь? — спросил он, наконец, виновато, не в силах переносить этой ужасной тишины.

— Я? — спросил Буся негромко. — Я? Да, одного человека я тоже ненавидел...

Последнее слово он выговорил так твердо, что Саша даже приподнялся с кровати и с любопытством взглянул на него...

— Кого же, Буся? — с искренним интересом спросил он.

— Федора Петровича, — сказал Буся затрудненно. — Только ты не обижайся, пожалуйста...

— Папу? — неожиданно для себя произнес это забытое детское слово Саша. — Папу?..

— Да, Федора Петровича, — с такой же твердостью повторил Буся, — ты только не подумай, что это я только сейчас, как узнал, что он мне не... Нет, нет, не поэтому, а гораздо, гораздо раньше! Я только думал, что ты его любишь и ува... уважаешь... Мне тебя всегда в пример ставили, Саша. Что будто ты очень трудолюбивый, послушный и... экономайный. И будто ты даже сапог никогда не сби... не сбиваешь!

— Идиоты! — возмущенно воскликнул Саша. — Проклятые идиоты!

— И глупый он человек, — убежденно сказал Буся. — Удивительно глупый! Совершенно не реагирует на общественные сдвиги... Лучший отдых ему — это за тестом следить или вот соседям мусор к двери вынести или крысу подбросить...

— Салопница! Старая салопница!.. — восторженно подтвердил Саша.

— А про тебя все говорил, что ты опора, гордость семьи... Хранитель устоев каких-то... И даже сапогов не сби... не сбиваешь.

С противоположных концов комнаты они взглянули друг на друга и неожиданно рассмеялись.

— Ну, а я все-таки пойду! — вздохнув, сказал Буся. — Я ведь теперь все равно общежитием обеспечен.

Несколько минут Саша молча наблюдал, как мальчик одевается, натягивает сапоги, увязывает узелок.

Когда, наконец, все это было закончено, Саша откашлялся и сказал с хрипотой:

— Знаешь что, парнишка, в общежитии шумно, душно... Клопы... Микробы... Я как хранитель устоев прошу: не разбивай семью!.. А если смущают тебя разные там формальные тонкости, то, знаешь, я тебя... усмирю! И ничего в этом нет особенного... У нас вузовец Семисадкин так с одним субъектом сделал. Только имя тебе другое дадим... Вместо Буси, например, Володя... Ладно?..

— Ладно, — подумав, сказал Володя и погрозил узелок.

В. ГЕРАСИМОВА

ВЕШНИЕ ВЗДОХИ

Еще с давних времен повелось, что стихотворцы и беллетристы досаждают весне, воспевая и первую раму, которая выставляется, и стремительные ручейки, которые журчат, и вечерние звезды, которые мигают.

А не обидно ли, дорогие граждане и гражданки, что все эти работники пера не удосужились до сего времени заглянуть в душу такого ответственного товарища, каким является Налетов Сергей Петрович?

Свои весенние вздохи, а равно и грусть товарищ Налетов, председатель нашего городского совета, привез с собою из столицы, из Москвы, куда недавно ездил в служебную командировку.

Ходил он по Москве, и его боевое сердце прыгало от радости. На земле — асфальт и озеленение. Под землей — метро.

Ходил он так по Москве и вдруг загрустил:

— Вот скоро весна придет. Ну и грязно же будет у нас в Болотинске! Какие лужи вскроются в центре города! А какие сопки Манчжурии, какие, извините, громадные кучи навоза покажутся на улицах, когда сойдет снег, гонимый вешними лучами! Вот и живи в таком городе. Вот и управляй таким городом...

С этими мыслями Налетов и вернулся в Болотинск. Сидит в кабинете по целым дням, пьет чай с карамелью и скучает.

Но скрывать нечего: у нас в Болотинске нет таких поэтов и художников слова, которые могли бы деликатно заглянуть в душу председателя горсовета, заглянуть, отойти в сторону и умилиться.

У нас народ черствый. К Сергею Петровичу в такие трепетные минуты лезут со всякими пустяками:

— Сергей Петрович! В ближайшее время предвидится наступление весенней оттепели по случаю смены погоды...

— Знаю. Слышал. Так чего же вы хотите?

— Ничего. Мы просто так. В рассуждениях тротуаров. Отремонтировать бы на всякий случай.

— К чему? Зачем? Все равно вода из канав хлынет и затопит тротуары.

Затем пришли к нему другие сотрудники и опять полезли с глупостями и бестактностями:

— Весна скоро, Сергей Петрович.

— Неужели? Есть указание из области?

Но они не поняли этой тонкой иронии. И по простоте своей душевной продолжали:

— Директив никаких. Но если придерживаться точных указаний календаря на текущий год, то через...

— Ну, так что? Говорите покороче.

— Перед самым зданием горсовета по примеру прежних сезонов вскроется лужа больших масштабов.

— Ну так что?..

— Ничего. Вообще. Нельзя ли ее засыпать щебнем?

— Щебнем?

Налетов расхохотался.

— Щебнем? В Москве — асфальт. А тут щебнем...

Налетов продолжал хохотать.

— А если засыплете этим самым... щебнем? Что же, по-вашему, свиньи не будут шляться по городу и не будут треть свои грязные бока на площади у горсовета? Нет, уж не стоит. Все это ни к чему.

К Налетову пришел старый садовник Гребнев, большой мастер по устройству цветочных клумб и прочих зеленых насаждений.

— Сергей Петрович! У меня, извините, проект. Бульварчик бы обновить. А? У тротуаров бы кустики да деревья. А? Совсем другой вид. Опять же и польза. Как говорится, кислород...

Налетов горько улыбнулся. Никто его не понимает в этом городе! Никто!

— Я вам вполне сочувствую, товарищ Гребнев. Я за природу. За красоту. За кислород. Но это для большого города, а не для нашего Болотинска. Посадим мы с вами деревья, цветочки. Чем же, милый человек, все это кончится? Придут козы и поедят. Нет уж, не стоит. Все это не для нас...

И вот пришла весна. Радостная, веселая, солнечная.

Весна — чародейка, она поет и играет. Она украшает горы и долины, поля и рощи зеленью и цветами.

Весна пробуждает угнувшие чувства. Соединяет влюбленные сердца.

Но не думайте, что ко всем без исключения она такая добрая, такая хорошая. Нет, у нее к каждому свой подход.

Посмотрите, что она сделала с Болотинском! Она обнажила все раны этого города. Пройдите весной по болотинским улицам.

Грязь. Лужи. Вонь.

Вот с чем пришла коварная весна в этот город.

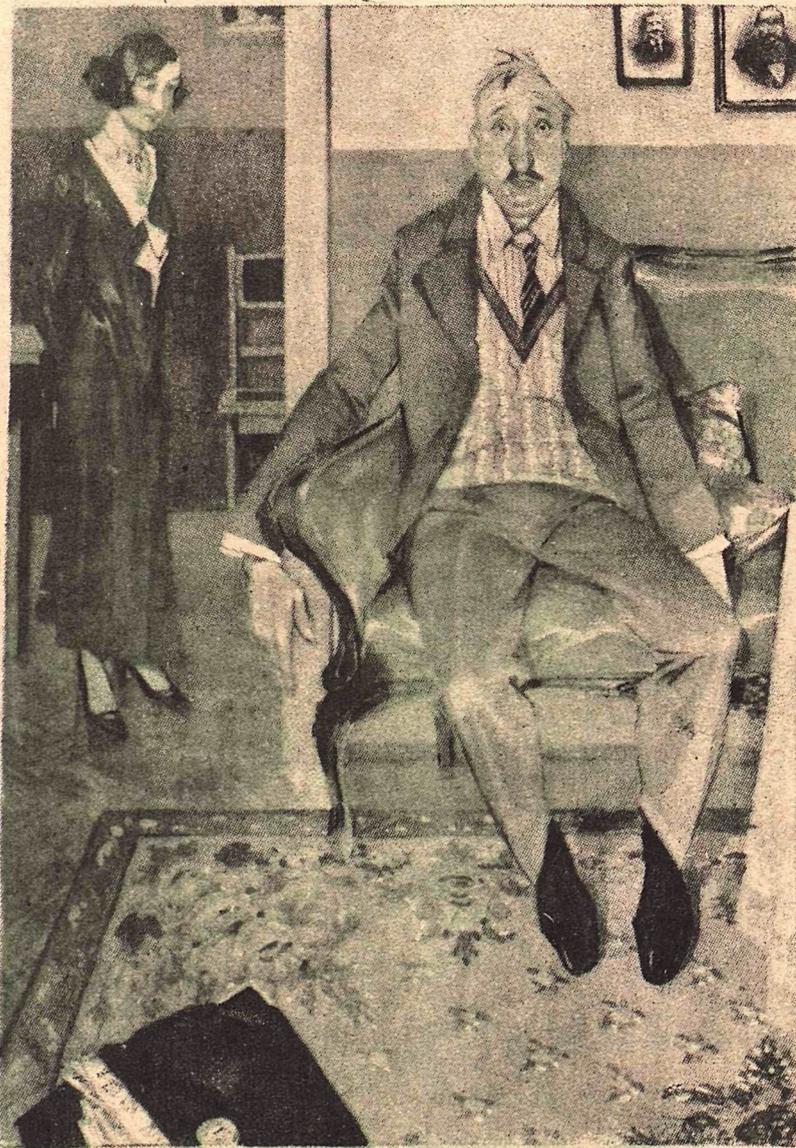
Налетов пил чай и скучал. Он смотрел в окно на обезображенный город и ворчал:

— Ведь я все это предвидел. Предвидел... А еще хотели цветочков. Тротуаров хотели... Вот и управляй таким городом...

Г. РЫКЛИН

СУМЕРКИ КАРЬЕРИСТА

Рис. А. Топикова

— Ты только подумай! Отстранили меня от работы! Значит горла лишат, учрежденскую квартиру придется оставить, персональной машины не будет... Но ведь это же политическая смерть!..

ПРОБЛЕМА ПРАЧЕЧНОЙ

Американский рассказ СТЕФЕНА ЛИКОКА

Давно, лет тридцать—сорок назад, существовало покорное существо под названием прачка. Ее скромным назначением было являться время от времени с большой корзиной, уносить в ней грязные простыни и возвращать их обратно сверкающими белизной снега.

Прачки уже больше нет. Ее место занято Об'единенным прачечным обществом. Она ушла, но я хотел бы увидеть ее лицо снова.

Прачка в литературе и в жизни предполагалась лежащей на дне вселенной. Она с трудом могла заработать на корку хлеба. Теперь Об'единенное общество пользуется гидроэлектрической силой, содержит бюро, имеющее вид банка, и развозит продукцию в громадном авто, управляемом шофером в мундире. Но я хотел бы увидеть покорную прачку снова.

В прежние дни любая покинутая женщина обращала свои взоры к корыту. Когда все прочее изменяло, у нее оставалось хоть это. Каждая леда, желавшая показать независимость своего ума и силу характера, угрожала приняться за стирку. Это было прибежищем для благородной души. Во многих великих произведениях мать героини почти становилась прачкой.

Женщины, чей род восходил к крестовым походам, уже не раз готовились взять в руки мыло, и только открытие пропавшего завещания спасало их от мозолей. Но теперь если бы женщина вскрикнула: «О, что мне делать? Я совершенно одна на свете! Я пойду и открою об'единенную прачечную!»—это бы звучало иначе.

Функционирование старой системы—насколько я могу вернуться на сорок лет вспять—было весьма просто. Приходила прачка и брала мою рубашку и мой воротник, и пока она их стирала, я носил другой воротник и другую рубашку. Когда она возвращалась, я ей отдавал грязное белье, она мне—чистое. У нее всегда было одно, у меня—другое. В те дни каждый обеспеченный молодой человек нуждался всего в паре рубашек.

Бедная прачка была настолько безнадежно наивна, что она никогда не рвала и не уничтожала рубашек. Ей даже никогда не приходило в голову отодрать от нее кусок зубами. Когда она возвращала рубашку, то та выглядела еще лучше и мягче, чем раньше. Ей никогда не случалось оторвать хоть бы один рукав. Если от рубашки отлепала при стирке пуговица, она скромно пришивала ее обратно.

Когда она гладила, этой простой душе никогда не приходило в голову провести паленую полосу как раз поперек рубашки. У нее не хватало воображения. Говоря другими словами, наш индустриализм находился в самом зачатке.

Мне никогда не приходилось являться свидетелем производственных процессов в современной об'единенной прачечной, располагающей самым последним оборудованием. Но я легко могу вызвать в своем мозгу видение того, что происходит по получении очередной партии белья, назначенного для стирки.

Пришедшие рубашки попадают сперва в руки специалиста, который опрыскивает их серной кислотой.

Затем они переходят в красильное отделение, где их погружают в желтый раствор. Отсюда они поступают в пулеметный цех, где в них простреливается ряд дыр, и далее путем автоматической передачи—в гидравлическое раздирательное отделение, где у них отрывают рукава. После этого они подвергаются громадному давлению, которое их делает абсолютно плоскими и приводит все пуговицы в такое состояние, что они могут быть затем сметены от одного прикосновения квалифицированного пуговицеобдирателя.

Последний процесс производится совершенно вручную, чем и объясняется, как я слышал, высокая стоимость работы. Опытный пуговицеобдиратель, с точным знанием предельного напряжения материала, легко зарабатывает до пятидесяти долларов в день. Правда, эта работа предъявляет большие требования, так как от его глаз не должна ускользнуть ни одна пуговица. В последнее время большие прачечные обращаются к новым химическим методам, какковы торчичный газ, слезоточивые бомбы и ручные гранаты.

Воротнички, насколько я понимаю, подвергались аналогичной обработке с небольшими изменениями процесса для получения рваного края или боковой щели. Основная идея первоклассной прачечной—это недопущение возвращения каждого воротничка или каждой рубашки в прачечную более двух раз. Когда это происходит, вещь немедленно направляется в отделение конечного уничтожения, где под нее подлачивается патрон, разрывающий ее на шесть кусков. К остат-

кам прикладывается этикет «повреждено», и они возвращаются под специальным присмотром клиенту утром.

Имей бедная прачка пулемет и небольшое количество динамита, она могла бы составить себе состояние. Но она об этом не знала. В старину прачка стирала рубашку за десять двенадцатых цента или за десять центов за дюжину. Лучшие прачечные, которые не дают доступа в их помещение и рассылают свою продукцию под вооруженной охраной, считают по доллару за рубашку, при льготном тарифе—двенадцать долларов за дюжину.

При этом расчете заработок прачки увеличился бы невероятно. Между тем фактическая величина ее заработка составляла пять—десять долларов в год. Если бы прачка знала все вышесказанное, она бы организовалась в общество и собирала бы дивиденды как бруснику.

При современных условиях она могла бы пойти и дальше. Настоящая новейшая прачечная разрешает носить рубашку только два раза, по одному дню каждый. После того рубашка взрывается. А купить новую стоит четыре доллара. В прежние времена рубашка держалась и после того, как человек уже из нее вырос. Когда человек достигал среднего возраста, он имел удовольствие заметить, что шерерос рубашку. Потом он тратил семьдесят пять центов на новую, которая служила ему до самой могилы и позже.

Если бы у бедной женщины хватило однажды сообразительности схватить одну из рубашек и откусить у ней ворот, она могла бы начать крупное дело.

Но связанного еще недостаточно. В добрые старые времена, когда вы имели претензии к прачке, вы их высказывали ей прямо в глаза. Она вас выслушивала и удалялась, глотая слезы, в свое логово, и там шла джин и читала Библию.

А теперь, если вы хотите принести жалобу Об'единенному прачечному обществу, вам не удастся его найти. Жаловаться же шоферу в мундире практически бесполезно: он никогда не видал вашей рубашки.

Обращаться в бюро также совершенно бесполезно. Все, что вы там увидите, это компанию дам, приоткрывшихся за чугунной решеткой. Они также никогда не видали вашей рубашки. Не спрашивайте их о ней. Они кончат свою конторскую работу и вечером идут слушать лекции о современной драме. Они не догадались бы, что это рубашка, если бы даже ее увидели.

Писать компании тоже не стоит, я знаю это по опыту. Я попробовал принести письменную жалобу одной из таких прачечных и постиг бесплезность этого.

Вот письмо, которое мною было написано:

«Правлению директоров,
Об'единенное универсальное прачечное общество.
Джентльмены!

Я желаю, чтобы вы попытались быть несколько более осторожными с моей рубашкой. Я имею в виду розовую. Мне кажется, что вы положили на воротник несколько больше крахмала, чем вы вначале намеревались, и потому все слиплось.

Совершенно вам преданный вал...»

Но все, что я получил, был ответ в следующих выражениях:

«Дорогой сэр!

Номер 110, 615. Отдел 0412. Получено февраля 19-го, 9 ч. 26 м. Прочитано марта 19—20, 8 ч. 23 м. Спущено апреля 19-го, 4 ч. 1 м. Отправлено мая 19-го, 2 ч.

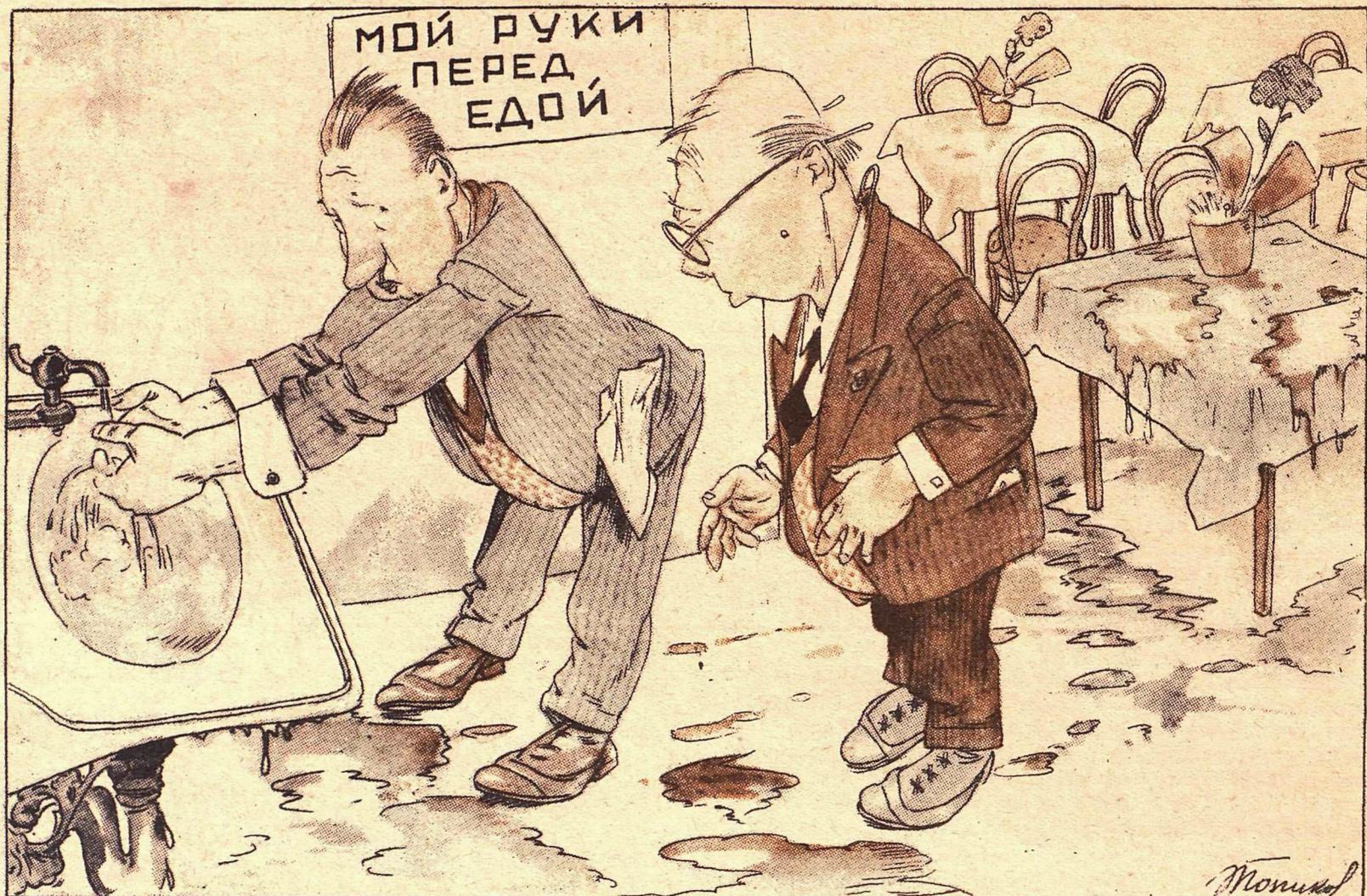
Имеем честь довести до вашего сведения, что ваше сообщение будет доложено акционером на ближайшем общем собрании. В ответе будьте любезны указывать номер, отдел, улицу, возраст и род занятий. Никакие жалобы за подписью или на словах не принимаются.

С совершенным почтением

Номер 0016».

После этого я почувствовал, что продолжать безнадежно. Все мои шансы на будущее заключаются в том, что я, может быть, встречу красивую, богатую женщину и, может быть, ее муж улизнет от нее прочь и оставит ее плачущей, без копейки и пьющей джин. И тогда я появлюсь в дверях и скажу: «Осушите слезы, мой дорогой, дорогой друг! Для вас еще осталась дорога к благополучию: возьмите постирать мою рубашку».

Перевод Г. ЛАНДАУ

— Гражданин, вы уже перед едой мыли руки, зачем вы снова лезете к умывальнику?
 — А я сейчас нечаянно рукой за скатерть схватился!

ЧИЖИК ИЗ ПЯТНАДЦАТОГО НОМЕРА

Инвалид труда Егор Иванович Кушнарев, человек одинокий и тихий, купил себе на трамвайной остановке у неизвестного гражданина, на вид лет десяти, в кепке, одетой козырьком назад, чижишка.

Гражданин в кепке козырьком назад спросил за птицу пять рублей — сумасшедшие деньги! — утверждая, что чижики у него особенный и если его хорошо кормить, он будет петь и щеглом, и малиновкой, и даже «почти соловьем».

В результате длительного торга чижики были уступлены инвалиду труда за пятьдесят копеек и пять папирос своей набивки.

Уплатив мальчику деньги, Егор Иванович принял из его рук маленькую клетку, в которой, нахохлившись, сидела сердитая серая пичужка с желтенькой манишкой на груди.

— Здорово, приятель! — дружелюбно сказал инвалид труда чижишке и, с трудом просунув в клетку телстый, сморщенный палец, осторожно погладил птичку по хрупкой, теплой спинке.

Дома он повесил клетку к окошку, достал

на кухне у соседей горсточку крупы, дал чижику. Чижики позавтракали, почистили перышки, а когда неожиданное солнышко вдруг ударило в окно и сразу стало ясно, что весна должна прибыть в город со дня на день, затрепетал, залился, зашел.

Гражданин в кепке с козырьком назад не соврал. Чижики действительно попались инвалиду труда особенный. Казалось, что в маленьком его горлышке скрыт какой-то таинственный механизм: цел он безустали и все поразному.

Егор Иванович слушал чижику с умилением, понятным только любителям птиц.

Однако надо было купить для чудесного чижики корму. Егор Иванович оделся, сказал птичке до свиданья и поехал в зоомагазин.

В зоомагазине была обычная сутолока. В больших клетках порхали и бились щеглы, чижи и еще какие-то бойкие и весьма расторопные птицы. В аквариумах, тараща круглые неподвижные глаза, лениво плавали зеленовато-золотистые рыбы. В большом стеклянном ящике с песком ходили на задних лапках,

упираясь передними в стекло, большие лягушки, похожие на водолазов в полной аммуниции.

Оттеснив мальчика, нагруженного тремя клетками, Егор Иванович степенно сказал лысому краснолицему продавцу:

— Ну-ка, почтенный, отвесь-ка мне продовольствия для чижа копеек на 50, на 70.

— Справку дайте, — сказал продавец, даже не взглянув на Егора Ивановича.

— Какую справку?

— Обыкновенную. Чижа вашего паспорт.

Егор Иванович оторопел, потом улыбнулся, подумал: «Шутит, чорт лысый».

— А он у меня еще не прописанный. Нету у него справки.

— Справки нет — и корму нет. Следующий подход! Гражданин, не задерживайте, вам ясно сказали.

Ошеломленный Егор Иванович понял, что с ним не шутят.

— Обожди, милый человек. Ты мне толком объясни, какие на чижей полагается выправлять бумаги.

— Каждому объяснять — язык измозолишь, — раздраженно сказал краснолицый продавец, — вы должны у нас в магазине или где вы чижика брали получить справку, что таковой чижик вами действительно куплен. По таковой справке с печатью мы будем вашей птичке отпускать корму, сколько ей полагается.

— Это что ж выходит, вроде продовольственной карточки?

— Выходит так.

— Выходит, — для людей карточек нет, а для птиц имеются? Выходит, — они не сеют, не жнут, а по карточкам получают?

— Вы, праздники, не очень распространяйтесь, а то мы вас мигом... Раз установлен такой порядок для борьбы со спекуляцией, — значит вы обязаны подчиняться и не фырчать.

— Глупый у вас порядок установлен. Такого закона нет, чтоб на птиц канцелярию заводить. Вы законы-то знаете?

— Мы законов не знаем, мы порядок знаем. Проходите, гражданин, не задерживайте покупателей!

Мальчик, обвешенный клетками, с бумажками во рту, нырнул под руку Егора Ивановича, пропихнул с трудом сквозь стиснутые зубы:

— Дяденька, уьми из рота щеголовые карточки. Мне одно кило.

Егор Иванович окончательно рассердился.

— А если я чижика у огольца купил? На трамвайной остановке. Что ж мне теперь прикажете, задравши хвост, по всей Москве бегать его искать?

— Тогда в домоуправлении возьмете справку.

Егор Иванович представил себе, как он явится в домоуправление за справкой на птицу, как станет объяснять, что его в зоомагазине подозревают в спекуляции птичьим кормом, и даже вспотел от смущения.

— А по домовою справке дадите корм?

— Ладно уж! Дадим.

Инвалид труда снова появился в магазине через два часа, перед самым закрытием. Он задыхался от усталости и пережитого волнения. Краснолицый продавец взял из рук Егора Ивановича бумажку со штампом и печатью и прочитал вслух:

«Дано сие чижиком из пятнадцатого номера в том, что таковой действительно проживает на иждивении инвалида труда Е. И. Кушнарёва, что подписями и приложением печати удостоверяется. Выдано на предмет закупки гражданином Кушнарёвым продуктов питания для вышеозначенного чижика».

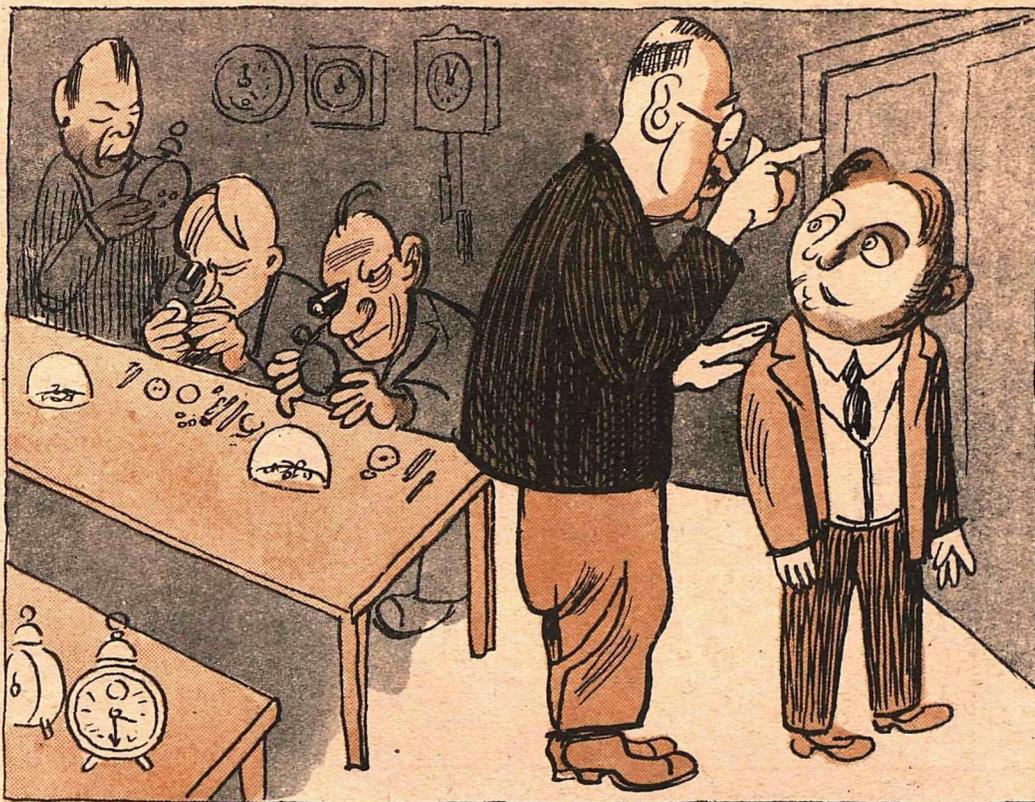
— Теперь в порядке, — сказал краснолицый продавец. — Платите в кассу рубль двадцать, гражданин.

Егор Иванович заплатил деньги, взял кулек с кормом и засеменил к трамвайной остановке. Теперь можно было спокойно ехать домой к проголодавшемуся чижиком.

Л. ЛЕНЧ

В ЧАСОВОЙ АРТЕЛИ „ТОЧНОЕ ВРЕМЯ“

Рис. А. Радакова

— Пожди посмотри по солнцу, который час. Не пора ли закрыть мастерскую?

Между прочим... Но вряд ли... ПРЫТКИЙ ПРОФЕССОР

Прометеусские страсти бурлят в «Вечерней Москве». В похвальном стремлении дать читателю самоновейшие сведения из мировой научной жизни работники «Вечерней Москвы» рыщут по страницам иностранной печати и по зернышку выклеивают для своей газеты сенсации.

10 марта «Вечерняя Москва» огоршила своих читателей сообщением из научной жизни Югославии.

Видный профессор аграмского университета (Югославия) математик Миккулицик бежал в Италию, похитив

и увезя с собой всю университетскую библиотеку («Берлинер таблетт»).

Этот профессор Миккулицик с такой необычайной легкостью похитил и увез с собой всю университетскую библиотеку, что в пору подумать, не захватил ли он с собой и несколько университетских зданий. К сожалению, этот чрезвычайно своевременный вопрос не был освещен «Вечерней Москвой», точно так же, как и вопрос, почему безо всякой проверки перепечатываются явно несуслазные сообщения.

ВЕЧЕРНИЕ КОРОВЫ

Удовлетворив законный интерес своих читателей к югославской научной жизни, «Вечерняя Москва», не почивая на лаврах, ринулась в дебри антропологии и палеонтологии. «Ударим по карликам», — реплики 22 марта работники отдела «Между прочим» и немедленно опубликовали скромной юнпарелью научное открытие голловоружительной значимости.

«Окаменелые останки расы пигмеев обнаружены при раскопках в Ваднагаре, индийском государстве Барода. Найден скелет мужчины величиной в 40 сантиметров и скелет пятиметровой коровы высотой в 45 см.»

Очевидно, опасаясь, что (сам по себе один) сорокасантиметровый скелет мужчины — недостаточно сильно действующее средство для ее закаленного в научных новостях читателя, «Вечерняя Москва» в качестве бесплатного приложения убогает своих читателей

скелетом коровы, высотой в 45 сантиметров. Объясненный такими маловероятными, но страшно импонирующими палеонтологическими открытиями, тот же сотрудник «Вечерней Москвы» на ходу вносит, как мы видим, свой увесистый вклад и в науку расоведения. Если раньше под понятием расы подразумевалась связанная определенными биологическими признаками группа людей, то упомянутый сотрудник, гостеприимно расширив это понятие, включил в него, кроме людей, также и коров.

«Британские ученые предполагают, — пишет он, захлебываясь от эрудиции, — что это (т.е. скелеты человека и коровы) останки вымершей расы пигмеев, еще меньшей ростом, чем пигмеи центральноафриканских племен Обонго, Аака и Батва».

Вот насчет Обонго, Аака и Батвы здорово сказано. С теперешним ждем дальнейших вечерних научных открытий.

Рис. Л. Генча

— Почему это туристы так стремительно берут вершину?

— А внизу, у подножья, такая база ОПТЭ, что от нее хочется удрать подальше...

ЛЕГЕНДА О ПЕРИФЕРИЙНОМ ЮНОШЕ

Из ста штук легенд минимум девяносто четыре начинаются так: «Была весна. Горячее солнце плыло по голубому небу.

Юноша пришел к девушке и сказал:

— Я люблю.

Девушка смущенно вздохнула».

Наверное, это действительно когда-нибудь было. Из истории известно, что юноши любили ходить к девушкам и говорить им эту несложную фразу. Во всяком случае на-днях, в апреле 1935 года, этот факт повторился во всей его суровой последовательности.

Была весна. Горячее солнце плыло по голубому небу.

Юноша пришел к девушке и сказал: — Я люблю. И добавил:

— Я люблю светлосерые носки, а вы мне предлагаете рыжие с седой шерстью и зеленые с оранжевыми пятнами. Я не хочу ходить весной в седой шерсти и оранжевых пятнах.

Девушка смущенно вздохнула.

И тоже добавила из-за прищавка:

— Рыжие с седной остались от зимы, а с пятнами — от прошлого лета. Не хотите, — не берите.

Юноша не взял.

И дальше рассказывают девяносто четыре из ста легенд:

«И пошел юноша к старику и сказал ему:

— Пришла весна. Я молон весенними желаниями.

— Украти их, — ответил старик, — ибо только в умерщвлении духа — совершенство».

Юноша действительно пошел к старику. Тот сидел у себя в кабинете заведующего универсамом и без нежности выслушал посетителя.

— Не морочьте мне голову, — несколько отступив от библейского тона, сказал юн. — План по серым носкам шерстяным, но они случайно засланы в Архангельск вместо какаю. Имею большой выбор спириновых портянок со стрелками и цветочками из запасов 1928 года. Сплошной бран, но очень эффектно для праздн мужского пола. Затеиливые рисуночки.

— Солнце, — вздохнул юноша. — Весна. Самя понимаете!..

— Я солнце по штату понимать не обязаи, — сухо заметил старик. — Я хозяйственник. Облака — это по Наркомзему.

— А белье носки? — спросил юноша. — Дайте мне белье носки. Я молод и хочу воспринять жизнь в белых носках.

— Носки — это другое дело, — смягчился старик. — Белья нет. И волейбольных мячей нет. И крокетов нет. И непромокаемых пальто нет. Лыжи есть.

И так как этот разговор стал походить на периферийный фельетон о недозавозе весеннего ширпотреба, юноша махнул рукой и вышел.

И заканчиваются все девяносто четыре из ста легенд обычно так:

«Тогда пошел юноша к мудрецам и поэтам.

И сказал юноша: — Что мне делать, если я люблю?

И ответили ему мудрецы и поэты:

— Любовь есть тлен и прах. Подумай о вечности.

Юноша успокоился и пошел есть салат».

И в апреле 1935 года юноша пошел к мудрецам и поэтам. Мудрецы и поэты составляли очередной номер ежедневной областной газеты «За доску».

— Носки — не проблема, — сухо ответили мудрецы в ответ на жалобы юноши, закуривая, — тем более, что мы уже в четвертом году поместили передовую «Дашь летний носок». Атомное ядро — проблема.

— А волейбол?

— Также, — вмешались поэты, — в третьем году мы уже поместили дружеский шарж на отсутствие мячей. Обтекаемый уют — проблема.

— Дорогие товарищи! — вздохнул юноша. — Я не какой-нибудь. У меня и вузовское удостоверение с собой. Я все понимаю. И атом и уют понимаю. Я оптимист, но я молод.

— Внеплановая молодость — тлен и прах.

— Хорошо. Но я хотел бы свою внеплановую молодость одеть в весне в непромокаемое пальто, в белые брюки, в летние носки, взять подмышку волейбольный мяч...

— Это будет почти принц Уэльский, а не советский вузовец, — испуганно зашумели поэты.

— Именно, — сознательно подтвердил юноша, — даже лучше. На принца Уэльского работает несколько частных фабрик, а на меня — все наше производство. Я вошел в мануфактурный и спортивный инвентар-

В УПОЕНИИ СТАНДАРТОМ

Рис. К. Ротова

Наким представляют себе все живое население Москвы хозяйственники из швейной промышленности, когда выпускают стандартные по размеру, расцветке и покрою костюмы и пальто. Собаки попали на этот рисунок случайно. Предлагаем на них не обращать внимания. Дело не в них, а в наплевательском отношении к вкусам потребителя.

ный план. Я знаю, что для меня где-то уже сшили белые брюки, приготовили носки, пальто и волейбольный мяч. Где они? Почему я должен в зимнюю пургу скользить темным вечером по льду, унося из универмага белые брюки? Почему я не могу прийти весной в магазин и сразу купить себе все, что мне...

— Может, это действительно проблема? — невозмутливо спросили мудрецы, вторично закуривая.

— Может, это действительно проблема, — стройным эхом ответили поэты, помешивая ложечкой в стакане.

— Придется поместить на четвертой странице лозунг: «Продай вузовцу белые туфли», — задумчиво сказали мудрецы.

— Было шесть лет тому назад, — вменялись поэты, — надо другой: «Завези юноше светлую кепку!» Так художественнее.

— Будьте здоровы, — вздохнул юноша, подтянул валенки и пошел навстречу горячему солнцу в голубым облакам. — Спасибо! Успокойте!

Арн. БУХОВ

ВЕЧЕРКОМ В КОЛХОЗНОЙ ИЗБЕ

(К 114-ЛЕТИЮ „ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА“)

Рис. А. Топикова

...И—зимних друг ночей—
Трещит пластинка перед ней...

ОРГАНИЗАТОР ВАГОННЫХ МАСС

— Проводник должен свое назначение понимать глубоко, — говорил Ваня Китов, обходя вагон. — Проводник, — при этом его острый носик чуть заметно приподымался, — проводник есть раньше всего организатор масс.

Поезд только что отошел от Москвы. Пассажиры еще устраивались, распаковывались, — путь предстоял дальний. Один только молодой человек на боковой скамье был свободен от забот и хлопот. Его ручной чемоданчик устроен наверху, пальто и шляпка повешены, и в руках уже развернут номер «Техники».

— Каких это масс? — коротко спросил он.

— Известно каких — вагонных, пассажирских!

Молодой человек чуть улыбнулся прищуренным глазом и ободряюще сказал:

— Ну что ж, организуй нас... неорганизованных.

Вскоре всем стало известно, что проводник вагона Ваня Китов твердо решил во что бы то ни стало поставить массовую работу с пассажирами.

И как только поезд двинется, проводник Ваня Китов принялся за свое дело.

Был он небольшого, щуплый, но преисполненный собственного достоинства.

Переходя из одного отделения вагона в другое, он строго подымал руку и провозглашал:

— Прошу внимания, граждане-пассажиры! Как я есть проводник вагона номер шесть, то-есть ответственный распорядитель порядка, то сообщаю вам, граждане-пассажиры, что наш вагон вызвал на социальное соревнование вагон номер семь. Так что мы, понятное дело, должны высоко держать знамя.

Для того чтобы дело шло лучше, Ваня выделил в каждом отделении ответственное лицо. Выборы этих лиц прошли не совсем гладко. Намеченные Китовым на роли кандидаты один за другим отказывались.

— Я у себя на заводе ударник, а «ударным пассажиром» пусть другой будет, — сказал пассажир, возвращающийся с курорта.

Отказались от бригадирства радиотехник, учительница, молотобоец, ветврач, вузовки.

Зато ревностно взялись за дело агент Металлолома с лицом композитора, бородач-плотник, девушка — инструктор союза пиццевиков. В общем, каждое куше нашло своего ответственного с'емщика.

Обеспечив друкводство, организатор занялся подготовкой стенгазеты. Переходя от одного к другому, он юсвал каждому клочок бумажки и уговаривал писать.

— Главное, чтобы побольше самокритики.

Сначала охотников писать нашлось немного. Первым написал заметку бородастый плотник. Заметка была о том, что следовало бы подавать в вагоны чай порциями. Большую статью дал металлоломщик. Это была вдохновенная тирада о социальном соревновании вообще, о пассажирах капиталистического поезда и пассажирах советского поезда, а также о Металлоломе.

Зато на второй день заметки в стенгазету потекли обильно. Ваня Китов не ожидал такой активности пассажирских масс. Он расцвел от успеха.

Читать заметки Ваня не успевал.

Он был занят оформлением. Разложил на скамье большой картон, вооружился ножницами, клеем, цветными карандашами и начал верстать. Наклеив заметку, он рисовал курдючный цветистый вагончик, отступал на несколько шагов, чтобы издали полюбоваться, призывал кого-нибудь из пассажиров и советовался:

— Как полагаешь? Красной рамкой обвести? Или синенькие звездочки по бокам поставить?

Над оформлением он работал почти сутки. На третье утро газета «Ударный пассажир» была торжественно приколота в коридоре, закрыв «Правила для пассажиров» и «Список находящегося в вагоне казенного имущества».

Газета имела большой успех. Пассажиры группами толпились в коридоре и, читая, одобительно посмеивались.

А Ваня Китов важно похаживал и таинственно сообщал каждому в отдельности:

— Они там, в седьмом вагоне, еще газеты не сделали... Еще бы!.. Что касается организации масс, то в этом Ваню Китова не обскочишь... Вот увидите, опять премируют.

Когда первое возбуждение прошло, радиотехник остановил Китова:

— Послушай ты, организатор вагонных масс! Теперь тебе, редактору, не мешаю самому прочесть газету.

Он подвел Китова к газете:

— Читай вслух.

Ваня Китов послушно читал. С каждой заметкой его голос слабел, лицо выгибалось, губы складывались в гримасу юбиды.

После цветистой передовицы металлоломщика шло стихотворение, написанное чемпионом-пловцом, неожиданно оказавшимся поэтом.

Стихотворение было шорткое:

*«Мы все соревноваться хотим,
Бьемся за первенство упорно,
Но я спрашиваю, между прочим:
Почему нет воды в уборной?»*

За стихами шла заметка «Хитрец».

«Умный парень Китов, — писал пассажир П., — ловко придумал: вместо того чтобы убирать вагон, он заставляет пассажиров самих подбирать каждый окурок, каждую бумажонку».

После этого под загадочным и поэтическим заглавием «Иван да Марья» некто «Буква» писал о Ване Китове и его сменнице Марусе Говоровой. Когда дежурила Маруся, — в вагоне было чисто, в уборной была вода, пассажиры были избавлены от плевков, падалок, нападвших на вагон. Когда дежурит Ваня Китов, — «все наоборот», — кончал свою статью «Буква».

Затем шел ряд заметок о том, что днем потопили вагон как баню, а ночью было холодно; что проводник запрещает курить в вагоне, а сам ходит с папиросой; что проводник навязывает пассажирам проплогодние номера журнала в пользу общества («Друг детей»).

В конце за подписью «Радиотехник» помещена была заметка «Пошлость»:

«Социальное соревнование и ударничество — социалистические методы труда. Будем развивать и углублять их на производстве, на строительстве. Охраняйте их от пошляков и глупцов».

... Ваня Китов сердито схватил рукой край газеты.

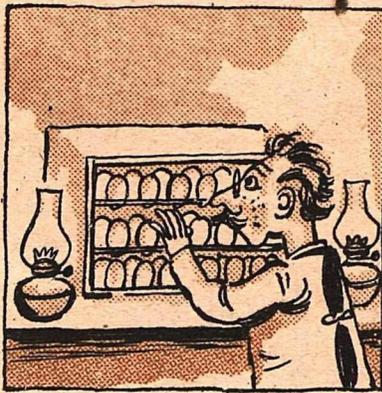
— Нет, это оставь! — спокойно удержал его радиотехник. — Срывать не позволю. Самокритика. Ты требовал самокритики. Пусть висит, она тебе полезна, эта газета.

Ваня Китов мрачно взял швабру и тряпку и стал обходить вагоны. Он работал усердно. Он думал сосредоточенно. Он переоценивал ценности.

ВИКТ. ЮЗ

ИСТОРИЯ О ПТИЦЕВОДЕ, ХОЛОДНОМ ИНКУБАТОРЕ И ТЕПЛОМ ХОЛОДИЛЬНИКЕ

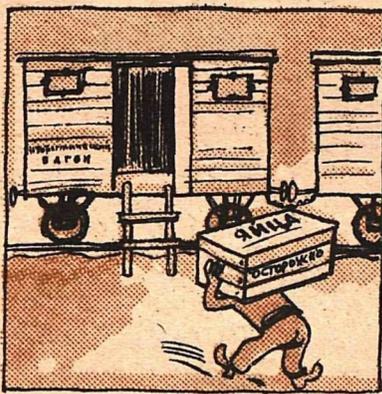
Рис. М. Храпковского.

1. Птицевод бережно уложил яйца в инкубатор.

2. Ровно через три недели он явился за цыплятами, но в инкубаторе в прохладе лежали те же яйца.

3. — Плохое качество яиц, — решил птицевод и отправил яйца обратно в птицетрест. Яйца погрузили в изотермический вагон...

4. — Какой прекрасный, теплый вагон-холодильник! — воскликнули работники птицетреста, распаковав посылку и увидев вылупившихся и заметно подросших за время следования в пути цыплят.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

В суде разбиралось дело гражданина Заслонкина. Он обвинялся в разрушении жилищной клошадии. Свидетели поперебой подтверждали данные обвинительного заключения.

— Я комнатная шилитчка с довошным еще стажем... Но я прямо скажу: Заслонкину прямо в лесу жить: у него в комнате такая сырость, такая сырость...

Подыскивая подходящее сравнение, шилитчка взглянула на судейный потолок.

— Вроде как у вас здесь... Так же с потолком и кафель...

Судья крикнул. Пококсился на потолок. От сырости потолок был пятнистый, как тигр.

— А печку он топлет, — басом сказал сосед, — раз в месяц... И печка у него вечно холодная-холодная...

Сосед попрогал судебную печку.

— Вот вроде как у вас здесь... И так же он, как вы, гражданин судья, всегда в помещении в пальто, а ведь от этого грязь, пыль...

Судья крикнул. Пошупал бобрлик на рукаве пальто.

— А за квартиру, — тодошел к судейскому столу управдом, — у него не плачено за семь месяцев. По 17 рублей 27 копеек в месяц, это выходит...

Управдом прикинул было в уме, потом пальцем написал цифры на пыльном столе судьи и перемножил.

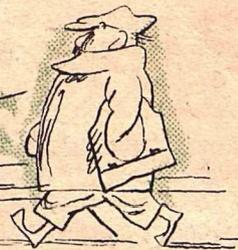
— Ну, ладно, ладно, — осадил судья управдома, — вы что, забыли, где вы находитесь? В общественном месте находитесь!

И рукавом вытер цифры.

В. ТОБОЛЯКОВ

Жизненный рецепт

По улице шел солидный гражданин лет пятидесяти. Вместо портфеля руку его оплывал деревянный круг, точнее, овал, каким прикрепляют обычно унитаза. Незаурядную эту вещь гражданин нес с редким достоинством и даже с удовольствием. Навстречу истерической рысцей бежал худощавый человек. Он рассеянно взглянул на круг, отшатнулся в удивлении и, подняв глаза, посмотрел в лицо солидному гражданину.

— Николай Памфилович, вы ли? — взвизгнул худощавый. — К чему это у вас на руке такое... украшение?

— Да вот квартиру получил. В кооперативном доме. Устраиваюсь, так сказать.

Худощавый гражданин затрепетал, просто на глазах осунулся и неожиданным голосом завыл:

— Отец родной, научите! Благодетель, расскажите, как добились! Верите ли, восемь лет записан в пайщики!..

— Рассказать можно, — степенно ответил Николай Памфилович. — Только рассказ будет долгий.. Выйдем тогда в эту вот кафешку...

В кафе, положив деревянный круг на отдельный стул и спросив чаю, Николай Памфилович начал.

— Полученная мною квартира выстроена обычным общегражданским кооперативом.

— Неужели общегражданским? — ахнул худой Васюсин. — Это же самое гнилое место... Вы что же, может, в члены правления пролезли?

— Нет, знаете. Пришлось действовать обходным путем.

Васюсин вынул записную книжку и, подняв карандаш, деловито спросил:

— Активность проявляли?

— А то как же? Первым делом ее.

— Говорят, теперь не помогает.

— Это, знаете, смотря, какая активность. Вот у нас тоже был один пайщик-активист. Активничал, активничал: и козюры добывал, и лимиты защищал, мраморную крошку на себе таскал, — а как пришло время распределять квартиры, взял, дурак, и уехал в Калугу за бутом. Ну, естественно, и остался с носом. Разве это активность? Настоящая активность должна быть на глазах.

— На глазах? — переспросил Васюсин и записал.

— На глазах. Я, например, занялся вопросом членства, очередности и плавнокопления. Изучал, знаете, обследовал и все время на глазах: и у правления и у пайщиков. До того примелькался, что все стали говорить: «Николай Памфилович — необходимый человек. Без него ничего не делается...» А я тем более учепные карточки на всех пайщиков так перемешал, в такой привел беспорядок, что никто ни черта не может разобрать.

— Одну минутку, — сказал Васюсин и записал в книжке: «Перемеш. карточки».

— Да. Карточки перемешал, а сам все заучил наизусть. Чуть что — приходится меня звать. А я, действительно, как молитву шпарю. Теперь два года прошло, а я до сих пор весь алфавит поимно: Авербух И. С., пл. не им., сем. 6 чел., зар. на ед. 100 р.; Аннаникин К. П., пл. 11 кв. м, сем. 5 чел., зар. на ед. 85 р.; Бубликов А. Н., пл. им. в Малах., сем. 3 чел., зар. на ед...

— Это что же, например, значит «пл. им. в Малах.»?

— По-моему — ясно: Бубликов Андрей Николаевич, пл. им. в Малах. — площадь имеет в Малаховке, сем. 3 чел. — семья 3 человека, зар. на ед. — заработок на едока 70 рублей. Ну, и так дальше: Былин В. Д., пл. им. пр. (проходную), сем. 7 чел., зар. на ед...

— И много пришлось заломинать?

— 723 члена кооператива. Потом вступили еще 117, но тех я уже не так твердо знал. Да... Потом, знаете, мне повезло: которая на этих карточках служащая сидела, вышла замуж за моего сына. Сосватал я их, повезло.

— Хорошенькая, но крайней мере?

— Кто хорошенькая? Морда. Косая, в рябинах... Говорю же: повезло мне. Будь она хорошенькая, может, она за сына и не пошла бы, а тут уж без промаха... Да. Потом подошло распределение площади. Или нет: еще до распределения площади было обследование, кто как живет. А я, как на прех, перед этим сделал ремонт. Комнатка выглядела такой чистой, увидит обследователь, скажет: какого ему еще розна нужно? Пришлось, знаете, самим поскорее испачкать комнату.

— Одну минутку, сейчас запишу... «комн. пачкать»... А как, собственно, вы ее пачкали?

— Первые два дня, можно сказать, кустарничали. А потом уже организовано, всей семьей пачкали. А как подошло распределение, я уже был, что называется, «необходимым человеком». На всех заседаниях без меня, как без рук. И я, знаете, принимаю. На службе взял отпуск за свой счет. С утра и до ночи торчу в правлении. Заседающие ли, так ли правленцы собирались, раз больше двух человек вместе — я сейчас здесь. Ну, сами понимаете, насколько легче за глаза фамилию вычеркнуть из списка, чем человеку в лицо сказать, что мы, мол, тебе отказываем. А тем более, все справки у меня есть.

— И-да, — заметил Васюсин, складывая записную книжку, — трудноватый ваш рецепт.

— Подождите. Разве это все? Вам еще придется записывать и записывать.

— Как записывать?

— Чудак-человек! Тут-то самое главное и начинается. Только получил я ордер, узнаю, что в дом везают какие-то люди без ордеров. И главное, куда везать? Ни оконных рам нет, ни дверей, ни штукатурки на стенах. Однако захватывают. И в том подъезде, где будущая моя квартира, происходит такое: обиженный пайщик ночью перевозит немного мебели, двух детей, жену, тещу и занимает квартиру четвертого этажа. Утром члены правления, узнав о самоуправстве, всем скопом поднимаются к нему. А, заметьте, лестниц еще нет, до самого чердака идут одни сходы и трясутся как желе. Члены правления, значит, взбираются на четвертый этаж, и тут повезло захватчику. Сходы не выдержали, и члены правления провалились.

— Провалились?

— Только один правленец зацепился поджаком за перила и повис. И слезть ему никак невозможно, потому что до следующего этажа сходит — как корова языком слизала. Он и стал умолять захватчика: «Помогите, мол, слезть, я домой хочу, я — тихий». Тот спрашивает: «Ты кто? Член правления?» Виляющий говорит: «Нет, я только кандидат...» «А, — говорит пайщик-захватчик, — ты кандидат, тогда повиси!»

«Кандидат повиси», — записал Васюсин. — А дальше что было?

— Дальше удалось мне все-таки в'ехать в мою квартиру. Обласкал я ночного сторожа, и он, значит, поселился в моей квартире до того времени, пока можно было в'езжать. Так что, которые захватчики бывало заглянут, увидят баракло сторожа и рыщут дальше.

Васюсин кивнул головой и, записывая, процентал:

«Обласкать ночного сторожа».

— Да. Самое трудное было подружиться с ночным сторожем Егорычем. Егорыч ничего такого не требовал. Любил только, чтобы с ним водку пили. Из горлышка прямо. Вы это обязательно запомните: научиться пить из горлышка... Теперь, кажется, все. Получите за чай! — крикнул Николай Памфилович.

А Васюсин, укладывая в карман записную книжку, прочувствованно сказал:

— Ну, Николай Памфилович, по гроб жизни вам благодарен! Научили уму-разуму! Теперь годика через два, как все вышло по-вашему, ждите приглашения на новоселье!..

— Ваши гости, ваши гости, — любезно отозвался Николай Памфилович и взял подмышку свой деревянный круг.

В. АРДОВ

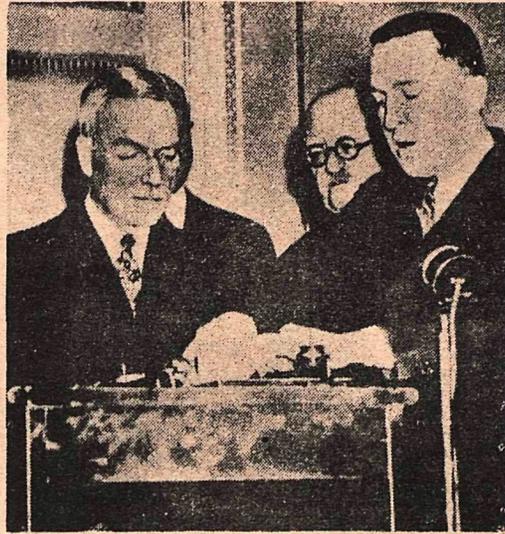
НА СУШЕ И НА МОРЕ

О ПОПУГАЯХ

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ ВАТИКАНСКИЕ НОВОСТИ

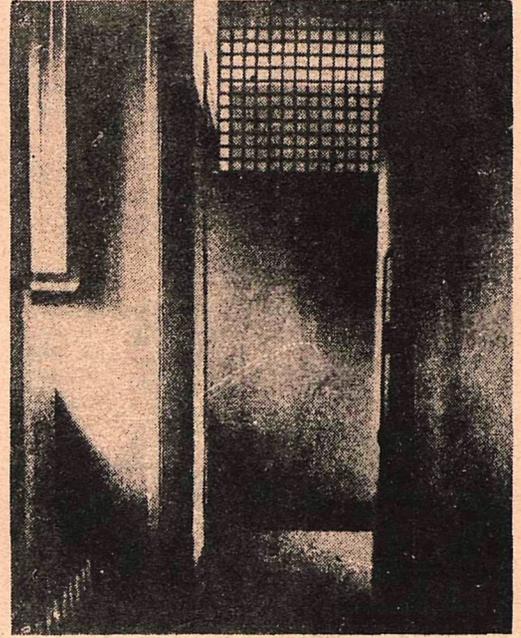
Этот попугай, преспокойно устроившийся на плече знаменитого киноактера Адольфа Менжу, — не обыкновенный представитель этого любопытного вида мира пернатых. Этот попугай умеет произносить целые фразы по-французски, немецки и английски. Существенным недостатком попугая является его явно неарийский вид. Если бы не эти непоправимые дефекты, попугай Адольфа Менжу мог бы легко занять подобающее место среди дипломатов Германии, болтающих на всех упомянутых языках заученные фразы о пользе мира и недопустимости войны в то время, как их хозяева спокойно вооружаются.

Американская полиция решила обзавестись отпечатками пальцев всех своих мало-мальски заметных граждан.

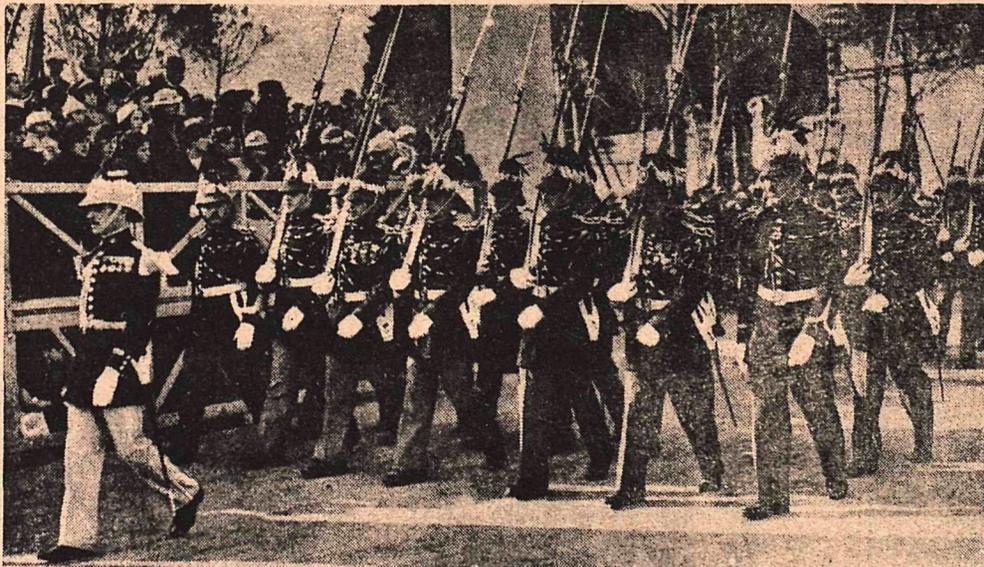
На снимке известный миллиардер Джон Д. Рокфеллер (младший) делает дактилоскопический отпечаток в ньюйоркской полиции.

Теперь, с введением дактилоскопического хранилища, работа полиции намного облегчится, так как детектив, сверив отпечаток пальца преступника с имеющимся в картотеке, сразу определит, что, например, растрата денег вкладчиков сделана самим банкиром. Следовательно, привлечь его к судебной ответственности не стоит, ибо его все равно оправдают (смотри знаменитое дело не менее знаменитого жулика — банкира Семюэля Инсулла) и самым страшным наказанием для преступника будет возможная смерть от угрызений совести.

Римский папа, глава католической церкви, уже несколько лет является суверенным главой самостоятельного крохотного Ватиканского государства. Держава как держава, даже почтовые марки свои имеются, даже растратчики. Для полноты счастья ватиканского населения не хватало только тюрем. Фотографию одной из камер самой молодой папской тюрьмы мы помещаем. Как видим, построена она на совесть: с учетом высших достижений мировой тюремной техники. Теперь понятно, почему папа римский так ревностно оберегает свой пост хранителя ключа апостола Петра. Этим ключом папа будет запирает с молитвою камеры своей христианнейшей тюрьмы.

ДВА ПАРАДА

После кровавой мелодрамы приятно развлечься смешной и легкомысленной опереткой.

После лицемерия «весеннего карнавала» в твердыне национал-социализма — Мюнхене, где в качестве мрачного символа воинствующего фашизма по улицам возили огромную пушку (см. фото справа), которая может в любую минуту развязать мировую бойню, глаз приятно отдыхает на фотографии парада монашеской пехоты.

Этим откормленным и полным решимости чинам самой маленькой в мире армии смерть угрожает только от старости. Посвятив свою жизнь охране «священной особы» сиятельного рулеткосохранителя — принца Монакского, они гордо маршируют по улицам Монте-Карло как дополнительный аттракцион для скучающих клиентов игорных зал, внушая всем зрителям твердую уверенность в неизбежности рулетки.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Если кто-нибудь захочет доказать любому безбожнику, что чудеса все-таки существуют, надо пойти в харьковский магазин «Союзрыбы», купить там банку копченых сельдей в масле (изделие 1-го ленинградского консервного завода «Пищевик») и вскрыть ее при свидетелях. В банке неминуемо окажутся куриные консервы. Объясни, дорогой Крокодил, что тут действует: тайные силы природы или производственная халатность?

В. КОНДРАТЬЕВ

Харьков.

тэлла», «Две встречи» и «Цемент», и ни на одну из них детей не пустили.

И даже специально детскую картину «Я не маленький» смотрели только взрослые.

— Почему же дети не допускаются? — спросили мы уполномоченного кинотреста Белькова.

— Потому что в общем нельзя, — уклончиво ответил он.

Дорогой Крокодил! Не объяснишь ли ты нам в таком случае, почему же Белькова допустили в кино, да еще на должность уполномоченного?

П. СОЛОХА

Г. АНТОНОВ

В. С. Край, Балаганский район, совхоз «Овцевод».

должен был приостановиться на несколько декад из-за отсутствия сырья. По этому поводу дирекция завода организовала угощение, с танцами и пышной выпивкой. Сама дирекция танцевала в полном составе, а директор Чунин даже вызвал аплодисменты присутствующих мастеровским исполнением «барыни». Местное население спрашивает тебя, дорогой Крокодил, почему ты в перечислении поводов для банкетов упустил такие важные обстоятельства, как недозавоз сырья и временную приостановку предприятия?

А. ТРУШНИКОВ

Орлинский район, Свердловской обл.

Дорогой Крокодил!

В магазинах челябинского отделения Промторга в Сатке продается порошок в маленьких пакетиках, на которых напечатано:

«Порошок для бритья.

Питьевая сода пищевую-совая».

Положение создается безвыходное. Купишь такой порошок и не знаешь — то ли его пить, то ли им мылиться. А вдруг он вообще для чистки медной посуды, и им не напьемся и не побреемся? Скажи, что делать с таким порошком и с таким Промторгом.

В. КОРОВНИКОВ

Сатка, Челябинской обл.

Дорогой Крокодил!

У нас в Балаганске нет детского кинотеатра, а в общем кинотеатре при демонстрации любой картины на афишах предупредительно объявляется:

«Дети до 16 лет не допускаются».

Недавно шли картины «Кастусь Калиновский», «На-

Дорогой Крокодил!

В одном из недавних номеров ты смеялся над организаторами банкетов, придумывающих самые неожиданные причины для выпивки. Сообщаю тебе о любопытном факте из этой области. У нас орлинский льнозавод № 49

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе о некоторых переменах в календаре, которые внесла наша газета «Даешь двигатель» (Двигательстрой, Дагестанская АССР). В номере от 4 марта в газете появились следующие строки:

«Слесарь Лабуз 29 февраля пьянствовал и не вышел на работу».

Разрешить через тебя спросить у упомянутой газеты, откуда редакция взяла 29 февраля, когда было в нем всего 28 дней, и не вышел ли кто-нибудь в этот день в редакцию на работу в состоянии, подобном лабузовскому?

И. АГЕНОВ

Махач-Кала

Дорогой Крокодил!

У нас в Ленинграде во многих парикмахерских стригут и бреют неопытные практикантки. Недавно я зашел в парикмахерскую № 8 по Первой линии Васильевского Острова и неосторожно попал в лапы «одной тихой девушке, которая в течение двадцати пяти минут творила жуткие зверства с моей головой. Сначала она прицелилась ножницами и выхватила клочок волос сзади. Испугавшись сотворенного ею, она для симметрии выхватила еще один клочок спереди. Я стал похож на циркового рыжего. Девушка выстригла еще несколько островков на моей голове и сама остановилась в недоумении. Пришлось вызвать на помощь опытного мастера, который в аварийном порядке остриг меня наголо. Домой я вернулся с головой, голой, как бильярдный шар. На некоторое время я завесил зеркало наволочкой, чтобы случайно не увидеть себя. Нельзя ли, дорогой Крокодил, предложить ленинградским парикмахерским не экспериментировать над живыми посетителями. Пусть для практики стригут пуделей или кошек. Им легче.

М. МОЖЕЙКО

Ленинград.

ЗНАТОК СВОЕЙ ПРОДУКЦИИ

Рис. Л. Гэнча

— Ешьте спокойно, Константин Павлович, я никогда не позволю себе угощать вас пирожками своего хлебозавода.

Дорогой Крокодил!

В газете «Рабочая Москва» (1/III 1935 г.) сообщалось в телеграмме из Ростова-на-Дону, что в одном Крапоткинском районе (Азово-Черн. край) убито около 100 тысяч зайцев. Я сам охотник и сам люблю поворот, но до какой же степени?

ГАЙВОРОНСКИЙ

Саратов.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК

Помещаем совершенно исключительный документ, изготовленный заведующим Ленинградским домом художественного воспитания детей Горону для своего личного пользования. Вот он во всей его нетронутости.

Ленинградский Дом Художественного Воспитания Детей ГОРОНО.
ул. Чайковского, д. № 23. Тел. Ж 255-23.

193 г.					
ВЫЗВАТЬ		СООБЩИТЬ			
Когда	Вопрос	Кого	Когда	Вопрос	Кому
СОЗВАТЬ СОВЕЩАНИЕ			УЧАСТИЕ В СОВЕЩАНИЯХ		
Когда	Вопрос	Кого вызвать	Когда	Вопрос	Где
ЗАЙТИ		ПОЗВОНИТЬ			
Когда	Куда	Вопрос			
ОБЩИЕ ЗАМЕТКИ					

Не хватает еще нескольких разделов для полного бюрократического блаженства:

- 1) Куда поставить калоши,
- 2) Кому сказать покойной ночи,
- 3) О чем подумать, когда подадут чай.

ЗА ЦАРЯ И ВЛАСТЕЙ

«Что же в самом деле делает школа, обучая и воспитывая ребенка?.. Школа учит возносить молитвы за царя и властей, за родителей и сродников».

Эти афоризмы с некоторым изумлением прочли на оборотных листах своих тетрадей ученики Хмельевской школы (Камызякского района (Астраханская область)).

Автор сих строк вскоре выяснился. Оказывается, что учитель Леонов отобрал из старого цер-

ковного архива литературу, каковую и предложил использовать на тетради. Таким образом, литература дореволюционных попов получила легкий способ проникновения в хмельевскую школу.

Все ясно и просто.

Еще очень хорошо, что в архивах не нашлось церковного облачения. Иначе хмельевские ребята уже занимались бы по глобусам, наскоро сделанным из камиллавок.

УДАР ПО БЕДСТВИЯМ

Хорошо, конечно, заранее предвидеть возможность стихийных бедствий, но еще лучше заготовить какое-нибудь средство для окончательного их предупреждения.

Так и поступил Тельмановский райисполком (Донецкий бассейн), который в прошлом месяце издал

такое обязательное постановление:

«Параграф 3. Хозяйства колхозников освобождаются от стихийных бедствий полностью, или частично райисполкомом».

Так иногда борьба со злыми силами природы ведется при помощи одной неграмотности. И просто, и дешево, и смешно.

ИЗ СЕРИИ МУДРЫХ СОВЕТОВ

Заведующему Казачинской гидро-метеорологической станции т. Федорову понадобились для работы свечи.

Свечей не было. Федоров попросил выслать свечи свое управление в Якутске. Оттуда пришел следующий ответ:

«Отсутствие свечей используйте операционных средств приобретения жиру изготовления свечей своими силами».

Свечного завода Федоров своими силами открыть не смог и сидит на станции без свечей. И утешает себя тем, что не попросил еще и прислать спичек. Иначе бы телеграмма была дополнена и таким советом:

«Кстати, оборудуйте еще и спичечное производство. Проекты фабрики высылаем срочно».

ХУЖЕ ЧЕМ ФАКТ

Каждый ставит проблему языка как умеет.

Нашли свою линию в этом сложном вопросе и сотрудники

парикмахерской № 1 РОКК в городе Сочи.

Вот выписка из протокола общего собрания:

Слушали: Замечание председателя горкома РОКК т. Дяновой о неправильном поведении мастера нацменов (грузин), имея переговоры на нацменском языке при выполнении своих обязанностей, где клиентура может иметь подозрение в разговоре, на тему осуждения того или иного клиента.

Постановили: Предложить всем мастерам-грузинам не допускать разговоров на своем языке в присутствии клиента

другой национальности, на исключением в нерабочее время и во время отпуска клиентов той же национальности.

Не будем спрашивать, что это такое: глупость или черносотенство. Помиримся на том, что это то и другое. Но как интересно мизантроп с подобными резолюциями сочинские партийные и советские организации?

НЕТ НАДОБНОСТИ

Редакция районной газеты «Победа социализма» (Кольванский район, Зап.-Сиб. край) обратилась к районному прокурору тов. Рудневу с просьбой расследовать факт, сообщенный одним из работников.

От районного прокурора пришло следующее извещение:

«Редакции «Победа социализма».

На ваше письмо о загоскот сообщаю, что Хуроженко сби-

жал, Рытчишко умер, Макаров снят с работы. А по этому старый состав в/скот устроен от работы, а по этому проверкой заниматься надобности нет. Основания распоряжения прокурора.

Секретарь Соронин».

Совсем, как краткая речь щедринского прокурора:

«В виду того, что украденное у т. майора уже съедено, от обвинений отказываюсь».

ЕЗДА НА НЕОСЕДЛАННОМ ТЕКСТЕ

Норвежская поговорка говорит, что не всякому утопленнику удастся вымыться.

Не всякому небрежному изданию удастся оправдаться от опечаток в специальном списке опечаток.

Так, в конце «Курса западноевропейской литературы XIX в.» (издание Учпедгиза) читаем:

СПИСОК ОПЕЧАТОК.

Напечатано:

Стр. 169

Трестированным

Стр. 334

К империализму

По этому принципу в других учпедгизовских изданиях должны появиться и такие списки опечаток:

Напечатано:

Вурона

Рыбашка

Должно быть:

Трестированным

К импрессионализму.

Следует читать:

Верона

Рубашка.

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Далеко ли, кажется, город Вологда от центра, а как медленно до него доходит информация о крупнейших событиях.

Так, в феврале месяце в общезнании студентов Северного педагогического института появилось на стене следующее сенсационное объявление:

«Сегодня в красном уголке

будет сообщение

о свержении самодержавия.

После игры и танцы».

А мы-то думали, что это было уже всем известно 18 лет тому назад... Ошибались, значит. Спасибо, что напомнили.

50

М2636 V

26 АПР. 1955

АМЕРИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Рис. Ю. Ганфа

МАТ. ЗИДЕ ЧИСТЫ
21 АПР. 55
Г.В.К. ДАТА ПОЛУЧ.

— А вы почему уходите из церкви? Вы неверующая?
 — Нет, я не танцующая . . .